

В.Т. МИХАЙЛОВ, Й. РУНГЕ

ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

МИХАЙЛОВ Валентин Тодоров – кандидат географических наук, адъюнкт (valentin.mihaylov@us.edu.pl); РУНГЕ Йежи – доктор географических наук (jerzy.runge@us.edu.pl). Оба – Силезский университет в Катовице, Польша.

Аннотация. В исследованиях, посвященных отношениям между индивидами (социальными группами) и географическим пространством, существенное место занимает осмысление механизмов и результатов процесса идентификации с определенной территорией. Авторы статьи предприняли попытку концептуализации данного вопроса, подчеркивая различия в интерпретации идентичности в пространственном контексте. Представлена графическая модель отношений и взаимосвязи таких основополагающих понятий как территориальное сознание, восприятие пространства, территориальная идентификация и идентичность. Предложено операциональное определение этого понятия – совокупность объективных и субъективных признаков, которые формируют и поддерживают оригинальность или уникальность индивида или группы. Территориальная/пространственная идентичность возникает при наличии привязанности человека к данным фрагментам географического пространства.

Обращено внимание на необходимость разграничивать внутреннюю и внешнюю идентичность, а также на значение, которое пространственные (геополитические, цивилизационные и социально-экономические) коды имеют в процессах их формирования и динамики. Представлены соответствующие примеры из постсоциалистических стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Подчеркнуты актуальность и практическое значение проблемы территориальной идентичности в пространственном аспекте, отношений этнической и национальной идентичности с территорией.

Ключевые слова: территориальная идентичность • территориальное сознание • территориальная идентификация • пространственный уровень идентификации

DOI: 10.31857/5013216250003747-4

Актуальность и постановка проблемы. Научные исследования идентичности активно ведутся с последних десятилетий XX в., когда волна постмодернизма [Bauman, 2000] повлекла за собой своеобразный взрыв идентичности на всех пространственных уровнях – от местного до глобального. Прежде не было необходимости говорить об идентичности, поскольку она была ясной, отчетливой, очевидной, регулировалась стабильными и не вызывающими сомнений социальными нормами [Świątkiewicz-Mośny, 2015]. Данная проблема – часть более широкой дискуссии о территориальной идентичности в социологии и социальной географии, а также в культурной антропологии, политологии и смежных отраслях науки. Интерес к этой, а также к пространственной или социотерриториальной проблематике появился в посткоммунистических странах после распада восточного блока. На региональном и локальном уровнях усилилась плюрализация общественной жизни, произошла политическая и финансовая децентрализация. Для более эффективного управления национальным пространством восстановлено территориальное самоуправление. Определенные изменения заметны в «ревитализации» религиозных и этнических идентичностей, в участвующем обращении к региональным и локальным традициям, ценностям и обычаям. Этнотерриториальная идентичность по-прежнему принципиально влияет на государствообразующие и этногенетические процессы. Среди

некоторых региональных общностей в Европе, в частности, в Каталонии, в Донбассе, среди сербов Боснии и Герцеговины и т.п. степень лояльности и идентификации с государством понижалась.

После финансового кризиса 2008–2009 гг. заметно вырос скептицизм в отношении идентификации с наднациональными общностями. Замкнутость к внешнему миру заметна в частности в Венгрии, Польше, России, Великобритании, в Соединенных Штатах, Турции, Венесуэле, на Филиппинах и т.п. Несмотря на то что каждое из вышеупомянутых государств представляет собой специфический случай, общим знаменателем их внешней политики и внутренней риторики стал определенный возврат к культивированию национальных культур, усилению суверенитета в принятии решений в политической и экономической областях. Яркий пример – Великобритания в период политики «Брексита», которая не только привела к ее выходу из состава Евросоюза, но укрепила настроения евроскептиков в других государствах. В эпоху Д. Трампа Соединенные Штаты делают упор на так называемый экономический патриотизм/национализм.

Уточнение и упорядочение знаний о территориальной идентичности важно с точки зрения теории и методологии большого количества исследований, посвященных идентичности на разных пространственных уровнях, их взаимоотношениям и иерархическим связям. Принимая во внимание данный факт, целью статьи является обсуждение и концептуализация ряда теоретических вопросов, касающихся отношений индивидов или социальной группы с пространством. Авторы имеют в виду прежде всего идентификацию как процесс и идентичность как состояние и структуру, которая возникает, временно кристаллизуется, трансформируется или исчезает в ходе этого процесса. Кроме того, приводятся актуальные примеры проявления территориальной идентичности преимущественно в постсоциалистических государствах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Территориальная идентичность как часть индивидуальной и социальной идентичности. Отношения сознание–восприятие пространства–идентификация–идентичность являются предметом ряда интерпретаций. Однако прежде чем перейти к обсуждению дилемм этих отношений, сосредоточимся на самой идентичности и сформулируем синтетичное определение этого понятия.

Теоретико-методологические исследования территориальной идентичности связаны с концептуализацией и критическим осмыслением сущности, статики и динамики индивидуальных и коллективных идентичностей, представляющих собой тип социальной идентичности, который мы можем проектировать и изображать на географической карте. Это привязанность к определенному фрагменту пространства и идентификация себя с ним. Несомненно, «для людей, проживающих в одном социогеографическом пространстве, имеют значение разные идентичности» [Осипова, Маклашова, 2015]. Несмотря на то что жители данной страны или региона разделены разными религиозными доктринами или националистическими идеологиями, у них есть общая территориальная идентичность как более или менее предпочтительная форма коллективной идентификации. Географическое пространство на разных уровнях – от локального до глобального – выступает своего рода интегратором и фактором общественной солидарности конгломерата групповых принадлежностей (гражданской, политической, этнической, религиозной, профессиональной и др.).

В научных исследованиях доминирует мнение, что территориальная идентичность представляет аспект социальной идентичности, относящийся к социализации личности в физическом мире [Proshansky et al., 1983]. Многие авторы сосредоточивают внимание на индивидуальном аспекте идентичности, на психологическом и самоидентификационном измерении. Это не только психологи, но и некоторые социологи, гуманитарные географы и культуроведы. По Гидденсу [Giddens, 2001], идентичность – это «“я”, понимаемое индивидом в биографических категориях», соотнесенное с субъективными суждениями, предпочтениями и реализуемыми вариантами выбора субъекта. Если говорить об отношении идентичности и территории, территориальная идентичность представляется как переживаемые и/или

осознаваемые смыслы системы территориальных общностей («субъективной социально-географической реальности»), формирующие «практическое чувство» и/или сознание территориальной принадлежности индивида [Шматко, Качанов, 1998].

Идентичность является, несомненно, абстрактным понятием. Несмотря на вытекающие из ее сложной сущности расхождения между научными дисциплинами, можно принять следующее операционное определение идентичности. Она представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, которые формируют и поддерживают оригинальность или уникальность индивида или группы. Это определение включает индивидуальное и коллективное, субъективное и объективное, внутреннее и внешнее, поэтому могло бы найти применение в разных научных дисциплинах.

Территориальное сознание является понятием, которое в некоторых публикациях используется как синоним термина идентичность, в том числе рассматривается как восприятие жителями данной пространственной единицы и ее территориальных пределов. З. Рыкель [Rykiel, 2017] определяет идентичность как упрочнившуюся форму сознания, что не должно вызывать сомнений в случае внутренней идентификации.

Семантический потенциал понятия «территориальное сознание» гораздо шире, чем обычно представляется. Он не совпадает ни с пространственной идентификацией, ни с идентичностью. Данное понятие включает в себя также представления человеком морфологии географического пространства, ее природных и антропогенных компонентов, полученных знаний об отношениях пространственных объектов, ориентации индивида в данном городе или регионе (рис. 1). Эти знания, как и процесс восприятия, необязательно должны быть связаны с эмоциональной привязанностью и идентификацией человека или группы с данной территорией и ее жителями. С теоретической точки зрения это только один из возможных вариантов. В результате процесса эмоционального восприятия, поверхностных оценок и/или рациональной рефлексии идентификация может быть положительной или отрицательной, вообще не иметь места (индифферентное отношение). В случае наличия континуальности в процессе восприятия географического пространства и идентификации с определенной территорией можно говорить о формировании территориальной идентичности (внутренней и внешней).

Отрицательная идентификация с данным местом может быть вызвана непривлекательной и монотонной средой, высокой концентрацией преступлений и антисоциальных явлений, неразвитой, устаревшей инфраструктурой и т.д. Такое отношение может сопровождаться привязанностью к местам (курорты, города, замки и дворцы и др.), которые данный человек никогда не посещал физически. Они, однако, являются предметом увлечений, мечтаний и эмоциональной привязанности. Эти внутренние пространственные образы формируются под влиянием средств массовой информации, фильмов, литературы и искусства, рекламы и т.п.

Можно выделить два разных, связанных друг с другом научных подхода к территориальной идентичности, представленных Н. Замятиной [Замятина, 2011]: социоцентричный и пространственноцентричный. В случае применения первого подхода мы изучаем территориальную идентичность как пространственное отображение социальной идентичности и других социальных процессов. Такое понимание территориальной идентичности более распространено в социологии и других социальных науках. Здесь можно обратиться к научным точкам зрения на территориальную идентичность, сформулированным М. Щепаньским и А. Шлиз [Szczepański, Śliz, 2010]. С психологической точки зрения, ключевым элементом территориальной идентичности является степень идентификации с регионом, его сообществом и региональной культурой. В социологической перспективе основным становится функционирующее в групповом сознании деление на «мы» и «они», чувство отличности, высказывающееся или нет, но, безусловно, ощущающееся, часто политизированное в борьбе за власть. С политологической точки зрения идентичность относится к сравнительно постоянным политическим предпочтениям жителей региона и лучше всего выражающимся в результатах голосования на выборах муниципальных, парламентских, президентских.

Рис. 1. Схема отношений территориальное сознание – восприятие – идентификации – идентичность

Второй подход в центр внимания исследователей ставит изучение прямой идентификации людей с территорией – это пространственно-центричный подход. Он ближе к традиции классической географии. Территориальная идентичность формируется на основе непосредственной идентификации с определенной территорией, ландшафтом. Это могут быть маркеры географической среды как природные (реки, горные вершины или хребты, побережья, озера, долины, отдельные памятники природы и т.д.), так и антропогенные. К последним относятся компоненты символической культуры: памятники, придорожные кресты, церкви, монастыри, архитектурные ансамбли, города и деревни. В случае пространственно-центричной (геоцентричной) идентификации отдельно взятый человек не обязательно должен принимать активное участие или иметь какое-либо отношение к жизни местного сообщества. Несмотря на это, геоцентрическая идентификация имеет важное культуросозидательное значение, выполняет мобилизирующие функции и сплачивает участников локальной культуры. Даже бывшие промышленные зоны и предприятия становятся объектом особой заботы местного сообщества (например, в городах Верхнесилезского и Рурского бассейнов), материальными символами наследия и общественных традиций. В связи с этим их значение выходит за рамки утраченной производственной функции.

Пространственные уровни идентичности и степень эмоциональной привязанности. Самокатегоризация по географическому масштабу – один из основных аспектов человеческого мира, который помогает упорядочить и организовать идентичности. Мы все часть «глобальной общности», являясь одновременно уникальными индивидуальностями [Kaplan, 1999]. Д. Замятин [Замятин, 2011] обращает внимание на то, что иерархизация социальных контактов вместе с детальным масштабированием территории позволяет говорить о параллельных регистрах формирования территориальных идентичностей – социологической и географической. С одной стороны, можно фиксировать размеры социальных контактов на уровне межличностного общения, внутри и между социальными группами. С другой, можно привязывать эти уровни к территориальным единицам.

Индивид, человеческий коллектив определяют свое место в мире относительно геопространственных единиц внутреннего характера и географического масштаба (рис. 2). Такие единицы могут представлять собой культурно-исторические регионы в рамках государства или регионы, разделенные между двумя или более государствами. Кроме территориальных единиц, выделенных формально (государства, федеративные единицы, автономные территории, области, районы и т.д.), в качестве базы пространственной идентификации человека служат некоторые неформальные единицы. Территориальный охват

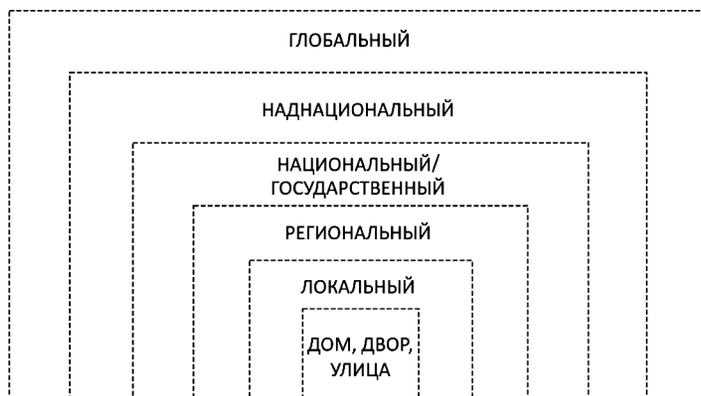

Рис. 2. Пространственные уровни территориальной идентичности

и границы этих единиц могут быть более или менее четкими. На мировом уровне это, к примеру, Глобальный Юг и Глобальный Север; в наднациональном масштабе – Балканы, Центральная Европа, Северная Европа, Западная Азия; в пределах национальных государств – север и юг Италии, американский Запад, российский Дальний Восток, Западная и Восточная Украина.

Соотнесение с территорией проявляется в идентичностных конструктах на разных уровнях: глобальном (универсальном), наднациональном (межконтинентальном, субконтинентальном), национальном/государственном, региональном, локальном вплоть до места проживания или дома. Чем больше масштаб пространства, с которым мы себя идентифицируем, тем более неясными и размытыми делаются его рамки и границы в нашем сознании. Отсюда больше трудностей в эмпирическом установлении проявлений идентичности.

Глобальный, мировой, универсальный масштабы используются индивидами, локальными общностями, народами, странами и культурно-цивилизационными кругами в качестве отправной точки собственной идентичности, по отношению к которой они определяют свое место в мире. В последние десятилетия XX в. углубляется осознание растущей взаимозависимости по причине истощения природных ресурсов, глобального потепления, загрязнения окружающей среды и других отрицательных явлений, которые стали общей проблемой для жителей Земли. Это требует скоординированных действий правительств и международных организаций.

Процессы интернационализации социально-политических связей в условиях глобализации стали стимулом расширения существующих или создания новых проектов региональной наднациональной интеграции. Это привело также к отмене границ между странами, созданию общих пространств товаров, услуг и рабочей силы.

Привязанность к самому узкому территориальному масштабу, т.е. к месту, рассматривается как часть территориальной идентичности на локальном уровне. Однако данный тип идентичности означает нечто большее, нежели привязанность. Территориальная идентичность является элементом индивидуальной идентичности, как пол или классовая принадлежность [Nauge, 2007].

Асимметричность внутренней и внешней территориальной идентичности. Идентичность человека и общностей определяется в диапазоне особенностей объективного и субъективного характера. Объективные особенности – это собственное имя, обитаемая территория, материальная и духовная культура, учреждения, специфика экономического развития и т.д. Субъективные особенности – самоидентификация, историческая память, мифы и легенды, территориальное сознание, стереотипы и т.п. В зависимости от распространённости и сочетания характеристик идентичности в социально-территориальном дискурсе эти характеристики играют меньшую или большую роль в формировании

территориальной идентичности. Принимая во внимание позицию субъекта в идентификации, существуют минимум два механизма идентификации и определения принадлежности. Это важно с точки зрения внешней идентичности – научное понятие, которое порой в научных публикациях игнорируется.

1. Внутренняя (эндогенная) идентичность – включает в себя самоидентификационные характеристики индивида или социотерриториальной общности. Идентичность определяет не только социальное, групповое положение, но и наши отношения, эмоции, ценности, чувства, когнитивные суждения [Pałeczny, 2008]. По этой причине внутренняя идентичность – это та разнородность идентичности, которая формируется в процессе самоидентификации, самоопределения, самооценки и самовосприятия. Чаще всего она исследуется в психологии, социологии, культурной антропологии, этнологии и социальной географии. Как правило, члены общности акцентируют предпочтительные для себя компоненты культуры, истории и географии. Другие компоненты по идеологическим или имиджевым соображениям часто избегаются, уменьшаются, скрываются.

2. Внешняя (экзогенная) идентичность – это характеристики индивида, неформальной общности или институционального объединения, приписываемые извне – и существует в различных контекстах: средствах массовой информации, политической стратегии и в культурных стереотипах. Имеет большое значение в геополитике и международных отношениях, в региональной политике в рамках национальных государств. К типичным пространственным конструкциям этого типа относятся идентичность Востока [Said, 1978], Балкан [Todorova, 1997, Jezernik, 2004], «Евразийских Балкан» [Brzezinski, 2004], «Большого Ближнего Востока» [Güney, Gökcan, 2010], закрепившиеся в восприятии некоторых обществ. Так, идентичность России в глазах поляков, польского общества отлична от идентичности в глазах россиян. Чаще идентичности во внешней перспективе исследуют представители международных отношений, политологии, геополитики, социологии, реже – социальной и политической географии.

Большое значение в исследованиях территориальной идентичности и сознания имеют пространственные коды, прежде всего, геополитические и цивилизационные. Пространственные коды – термин, близкий по значению к географическим образам. Объединяет их то, что и те, и другие более или менее соответствуют реальным качествам предмета внешней идентификации. Д. Замятин определяет географический образ как систему взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, которые ярко и одновременно просто характеризуют какую-либо территорию [Замятин, 2011]. Пространственные образы и коды присутствуют в различных социальных и политических контекстах. В разных пропорциях и конфигурациях в них смешиваются факты и мифы, информация и дезинформация, экономические интересы или политические предпочтения. В результате этого формируются устойчивые:

1) геополитические коды; благодаря им государство или региональный союз оперируют делением мира и субъектов международных отношений на врагов и союзников, своих и чужих, партнеров и конкурентов;

2) цивилизационные (геокультурные) коды; в этом случае имеют место положительная идентификация с близкими цивилизационными кругами, государствами или народами и отрицательная идентификация, если речь идет о нациях, относящихся к другим культурным кругам, бывшим захватчикам;

3) социально-экономические коды связаны с отношением к данному локальному, региональному или наднациональному сообществу. На основе этих кодов возникает деление государств, регионов, административных единиц или городов на бедные/богатые, развитые/отсталые, центральные/периферийные.

О важных нюансах несоответствий между идентификацией, идентичностью и властью. В процессе субъективной самоидентификации индивида и группы возникает ряд нюансов, связанных с фундаментальными вопросами человеческой культуры и общественной жизни: Кто мы? На кого мы похожи? От кого и как мы отличаемся? Ответы на

них имеют разные оттенки и звучание в исторических, цивилизационных и социально-политических контекстах. Они зависят не только от сознания, воли и самопознания субъекта, но и от его отношений с властью. Не претендуя на абсолютный охват проблемы, можем назвать, по крайней мере, три типа идентификации, в случае которых результат самоидентификации (декларированной идентичности) не является однозначным и зависит от конфигураций и связей центральной власти и местных или этнических общностей.

1. Члены группы знают, кто они, но декларируют другую идентичность. В этом случае речь идет об этнотерриториальных, местных или региональных группах со слабыми социально-политическими позициями, низким экономическим статусом и не до конца сформированной идентичностью.

Примером являются помаки в Болгарии – славяне, насчитывающие около 130 тыс. человек и проживающие в основном в Родопских горах. В Османской империи они перешли в ислам. Часть представителей этой общности проявляет смешанное этническое сознание. Оно играет второстепенную роль. Важнейшим показателем их идентичности в семейной и общественной жизни является принадлежность к исламу. После падения тоталитарного режима в Болгарии этническая идентичность помаков стала предметом активной агитации болгарских и турецких партий, которые подсаживали выбор «правильной» идентичности. Во время первой демократической переписи (1992) часть помаков на вопрос о этнической самоидентификации определила себя как «корейцы», «йоги», «эскимосы» [Miḥaylov, 2015] – своего рода внутренний протест против попыток диктовать «извне», навязывать «правильную» идентичность со стороны групп с более сильными социально-политическими позициями. Цыгане проживают в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы: Болгарии, Сербии, Румынии, Словакии, Венгрии и т.д. Подавляющее большинство представителей этой общности поддерживает традиционный образ жизни и не интегрируется в обществе по причинам дискриминации и самосегрегации. На словах много цыган отождествляют себя с титульной нацией. В обоих представленных случаях декларация идентичности в значительной степени – результат социального принуждения, которое диктует выбор определенной идентичности – более престижной, «выгодной» или безопасной по сравнению с реальной, но скрытой идентичностью.

2. Члены социальной и территориальной группы твердо заявляют, кто они, но не осознают, что могут иметь совершенно другое происхождение, историю или этногенетические особенности по сравнению с группой, с которой они себя идентифицируют. Самоотождествление современного македонского народа с наследием древней Македонии – пример. Не только название народа и государства, но и символическая культура имеют целью подчеркивать непрерывность этнической культуры во времени и пространстве. Это результат политики так называемой антиквизации – идеологической линии, проводимой властями при поддержке университетской среды Республики Македонии с 1990-х гг. [Majewski, 2013]. Материальным выражением этой политики стал проект «Скопье 2014», – теория о древней идентичности славянских македонцев нашла свою экстернализацию в центральном пространстве столичного города. Появился ряд зданий, символов древней Македонии (в частности, триумфальная арка Македония), памятники Филиппа и Александра Македонского, здания в стиле классицизма или барокко.

3. Индивиды или группы знают свое происхождение, или, по крайней мере, кем хотят быть, но не могут демонстрировать, культивировать и утверждать свою идентичность из-за отсутствия свободы либо наличия давления государственной власти, господствующей социальной или этнической группы. В разных формах эта проблема имела и имеет место прежде всего в национальных государствах. Она проявляется с разной остротой и интенсивностью: от желания культивировать свою социотерриториальную идентичность, получить более широкие административные полномочия, установить новую федеральную единицу вплоть до сепарации и создания собственного государства. Причины возникновения таких ситуаций – в основном, страх перед репрессиями и идеологическими преследованиями, социальной и культурной изоляцией. Кроме тоталитарных обществ, в которых

допускалось утверждение этнических или территориальных идентичностей главным образом на этнографическом уровне, такая практика применялась и применяется в странах политической демократии, ведущих националистическую политику. В постосманской Турции, например, проявления этнотерриториальной идентичности ограничивались ассимиляционной политикой государствообразующего народа. В 80-е годы XX в. турки в Болгарии были вынуждены менять имена и фамилии на славянские, принять тезис о том, что они болгары, которые были отуречены в прошлом. Русины в Прикарпатье составляют этнотерриториальную группу, которая считается отдельным народом с сохранившимся чувством обособленности. Центральная власть и большинство украинских ученых отрицают эту идентичность, рассматривая русинов как локальную этнографическую группу украинской нации.

Три рассмотренных группы явлений – примеры возможных вариантов отношений между местными и этнотерриториальными общностями и государством. Не менее интересны с точки зрения теории и практики территориальной идентичности проявления идентификации государства или народа с наднациональными пространственными конструкциями. На базе географического соседства или близости проектируются региональные наднациональные сообщества. Они могут быть гетерогенными или однородными культурно, формальными или неформальными, реально достижимыми или утопическими. Некоторые наднациональные сообщества основаны на принципе равноправного сотрудничества, другие же характеризуются доминированием одного или нескольких более влиятельных участников.

1. Первый случай – строительство интеграционного объединения на основе географической близости субъектов с прочными национальной идентичностью и культурными традициями. Создание общей, надлокальной и наднациональной идентичности – запланированная цель. Самым популярным проектом такого типа является Европейский союз, основанный на принципе «единства в многообразии». Сближение государств-членов происходит в политике и экономике, в то время как в состав сообщества входят государства и народы различных культур, в том числе страны Северной Европы, страны романоязычные, западнохристианские страны Центральной Европы, православные государства Балкан и т.д.

2. Во втором случае разные этнотерриториальные группы осознают свою общую идентичность, но не стремятся к глубокому сотрудничеству. Так обстоит ситуация с народами Балканского региона. Географическое соседство, общий исторический опыт и даже осознание близости не достаточны для консолидации, инициированной изнутри. Балканская идентичность рассматривается народами, населяющими этот регион, как вторичная идентичность, нежелательная и мало престижная. Преобладают партикулярные религиозные, национальные и геополитические идентичности или желание сотрудничать с мировыми державами на основе двусторонних цивилизационно-исторических связей [Михайлов, 2013].

3. Можно выделить еще один тип наднациональной общности, проектируемой и провозглашаемой одной силой с постимперскими амбициями. Принцип многосубъектности здесь на втором плане. Это турецкий неоосманизм – политико-идеологическое течение, пропагандирующее общее наследие народов бывшей Османской империи [Mihaylov, 2015].

Бывший премьер-министр Турецкой Республики А. Давутоглу на конференции «Османское наследие и мусульманские сообщества на Балканах», проведенной 16.10.2009 г. в Сараево, торжественно заявил, что эпоха османского владычества была «золотой эпохой Балкан», а Турция «возродит эти Балканы» [Танаскович, 2010]. Кроме того, в одном из выступлений в косовском Призрене в октябре 2013 г. премьер-министр Турции сказал: «Турция – это Косово, и Косово – это Турция». В результате тогдашний президент Сербии Т. Николич отменил встречу руководителей Сербии, Турции, Боснии и Герцеговины [Ердоган: Турска је Косово..., 2013].

Выводы. Попытка упорядочить некоторые вопросы, связанные с индивидуальной и групповой идентификацией с пространством, доказывает, что территориальная идентичность – не только модный лозунг. Применение этого понятия к процессам на территориальных уровнях не ограничивается теоретической и познавательной функциями. Эмоциональные связи человека с пространством влияют также на процессы территориально-политической интеграции и дезинтеграции Европы и мира.

Если речь идет о многоаспектных взаимосвязях между сознанием, восприятием, идентификацией и идентичностью в пространстве, позиции авторов могут быть представлены следующим образом:

1) территориальная идентичность – близкая категория, но не синоним территориального сознания;

2) для самоидентификации индивида (группы) с определенным фрагментом пространства (пространственно-центричный подход) или с территориальной группой (социоцентричный подход) необходимо территориальное сознание;

3) территориальное сознание человека не всегда совпадает с идентификацией. Реальные физические характеристики пространства (морфология и функциональная структура района, города) могут быть известны и укоренены в индивидуальном или групповом сознании, но эмоциональная идентификация, привязанность и чувство идентичности не обязательно присутствуют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ердоган: Турска је Косово и Косово је Турска. URL: <http://www.vaseljenska.com/vesti/erdogan-turska-je-kosovo-kosovo-je-turska/> (дата обращения 14.05.2018).
- Замятина Н.Ю. Территориальная идентичность: типы формирования и образы территории // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. ст. Всерос. науч.-теоретич. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 203–212.
- Замятин Д.Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. ст. Всерос. науч.-теоретич. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 186–203.
- Михайлов В.Т. Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 5. С. 140–152.
- Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Идентичности молодежи Арктики // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 139–144.
- Танаскович Д. Неосманизмът. Турция се връща на Балканите. София: Изток-Запад, 2013.
- Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.
- Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership. Basic Books, 2004.
- Giddens A. Nowoczesność i tożsamość: «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001.
- Güney A., Gökan F. The 'Greater Middle East' as a 'Modern' Geopolitical Imagination in American Foreign Policy // Geopolitics. 2010. No. 15(1). P. 22–38.
- Hauge A.L. Identity and Place: a Critical Comparison of three Identity Theories // Architectural Science Review. 2007. No. 50 (1). P. 44–51.
- Jezernik B. Wild Europe: the Balkans in the Gaze of Western Travelers. London: Saqi, 2004.
- Kaplan D.H. Territorial Identities and Geographic Scale // Nested Identities. Nationalism, Territory and State / Ed. by G.H. Herb, D.H. Kaplan. Rowman & Littlefield, 1999. P. 31–52.
- Majewski P. (Re)konstrukcje narodu. Odwieczna Macedonia powstaje w XXI wieku. Gdańsk: Wydawnictwo Naukowe Katedra, 2013.
- Mihaylov V. Bałkany w obliczu geopolityki tureckiego neosmanizmu // Stare i nowe problemy badawcze w geografii społeczno-ekonomicznej / Red. S. Sitek. T. 6. Sosnowiec: WNoZ UŚ, PTG. 2015. S. 21–34.
- Palczyński T. Socjologia tożsamości. Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM, 2008.
- Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. Place Identity: Physical World Socialization of the Self // Journal of Environmental Psychology. 1983. No. 3. P. 57–83.
- Rykiel Z. Identyfikacja i tożsamość kulturowa w różnych skalach przestrzennych // Opuscula Sociologica. 2017. No. 3(21). S. 45–55.

Said E. *Orientalism*. London: Penguin, 1978.

Szczepański M.S., Śliz A. Dylematy regionalnej tożsamości. Przypadek Górnego Śląska // *Nowe Zagłębie*. 2010. No. 6. S. 17–20.

Świątkiewicz-Mośny M. *Konstruowanie nowych tożsamości w warunkach globalizacji*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015.

Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press, 1997.

Статья поступила: 05.07.18. Принята к публикации: 26.09.18.

IDENTIFICATIONS OF INDIVIDUALS. TERRITORIAL COMMUNITIES AND SOCIAL SPACE: AN ATTEMPT OF CONCEPTUALISATION

MIHAYLOV V.T.*, RUNGE J.*

*University of Silesia in Katowice, Poland

Valentin T. MIHAYLOV, *Cand. Sci. (Geograph.)*, Assist. Prof. (valentin.mihaylov@us.edu.pl); Jerzy RUNGE, *Dr. Sci. (Geograph.)*, Prof. (jerzy.runge@us.edu.pl). Both – University of Silesia in Katowice, Poland.

Abstract. Each individual or human collective determines their place in the world taking into account geospatial units of different nature (administrative-territorial, ethno-territorial, geopolitical, civilisational, etc.) and on the various geographical scales (local, regional, national, subnational, and global). In the scientific research on the relations between individuals and social groups with geographical space, attention is paid to comprehension of the connections between human consciousness, perception and identification. The authors attempt to conceptualize this issue, emphasizing differences in the interpretation of identity in a spatial context. Significant nuances, at the individual and socio-territorial level, in discrepancies between consciousness, identification, identity and power are underlined. At the supranational level, three possible variants of relations are discussed. The first refers to the construction of a regional association based on the geographical proximity of participating subjects. It has pluralistic nature. In such cases, as European Union, preservation of national identity and cultural traditions are highlighted. In the second case, ethno-territorial groups realize their common identity (as Balkan people and countries), but they do not aspire to deepen cooperation and regional integration. It is possible to distinguish the third type – a supra-national community, projected and proclaimed by one force with post-imperial ambitions. This is the case of Turkish Neo-Ottomanism. In addition to theoretical conceptualization of the above mentioned issues, relevant examples from the post-socialist states of Central, Eastern and South-Eastern Europe are discussed. The practical significance of territorial identity in its spatial aspect, including relations of ethnic and national identity with the territory, is also stressed.

Keywords: territorial identity; territorial consciousness; territorial identification; spatial scale of identification.

REFERENCES

Bauman Z. (2000) *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Brzezinski Z. (2004) *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. Basic Books.

Erdogan: *Kosovo is Turkey and Turkey is Kosovo*. URL: www.vaseljenska.com/vesti/erdogan-turska-je-kosovo-kosovo-je-turska/ (accessed 14.05.2018). (In Serb.)

Giddens A. (2001) *Modernity and Identity: «Self» and Society in the Age of late Modernity*. Warszawa: PWN Publishing House. (In Pol.)

Güney A., Gökcan F. (2010) The 'Greater Middle East' as a 'Modern' Geopolitical Imagination in American Foreign Policy. *Geopolitics*. No. 15 (1): 22–38.

Hauge A. L. (2007) Identity and Place: a Critical Comparison of Three Identity Theories. *Architectural Science Review*. No. 50 (1): 44–51.

Jeżernik B. (2004) *Wild Europe: the Balkans in the Gaze of Western Travelers*. London: Saqi.

Kaplan D.H. (1999) Territorial Identities and Geographic Scale. In: *Nested Identities. Nationalism, Territory, and State*. Ed. by G.H. Herb, D.H. Kaplan. Rowman & Littlefield: 31–52.

Majewski P. (2013) *(Re)construction of a Nation. Eternal Macedonia Arises in the 21st Century*. Gdańsk: Katedra Publishing House. (In Pol.)

Mihaylov V.T. (2013) The Balkans as a Space of Problematic Supranational Identity. *Cultural and Humanistic Geography*. Vol. 2. No. 5: 140–152. (In Russ.)

- Mihaylov V. (2015) The Balkans in the Face of Geopolitics of the Turkey's Neo-Ottomanism. In: S. Sitek (ed.) *Old and New Research Problems in Socio-Economic Geography*. Vol. 6. Sosnowiec: WNoZ UŚ, PTG: 21–34. (In Pol.)
- Osipova O.V., Maklashova E.G. (2015) Ethnic Identities of Arctic Youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 139–144. (In Russ.)
- Palczyński T. (2008) *Sociology of Identity*. Kraków: AFM Publishing House. (In Pol.)
- Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. (1983) Place Identity: Physical World Socialization of the Self. *Journal of Environmental Psychology*. No. 3: 57–83.
- Rykiel Z. (2017) Identification and Cultural Identity in Different Spatial Scales. *Opuscula Sociologica*. No. 3 (21): 45–55. (In Pol.)
- Said E. (1978) *Orientalism*. London: Penguin.
- Shmatko N.A., Kachanov Yu.L. (1998) Territorial Identity as a Subject of Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 94–98. (In Russ.)
- Szczepański M.S., Śliz A. (2010) Dilemmas of Regional Identity. The Case of Upper Silesia. *Nowe Zagłębie*. No. 6: 17–20. (In Pol.)
- Świątkiewicz-Mośny M. (2015) *Construction of New Identities under the Conditions of Globalisation*. Kraków: Jagiellonian University Press. (In Pol.)
- Tanaskovic D. (2013) *Neo-ottomanism. Turkey is Coming Back on the Balkans*. Sofia: East-West. (In Bulgar.)
- Todorova M. (1997) *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press.
- Zamyatin D.N. (2011) Identity and Territory: Humanistic-geographical Approaches and Discourses. In: *Identity as a Subject of Political Analysis*. Proceedings of the All-Russian Scientific-theoretical Conference (MEMO RAN, 21–22 October 2010). Moscow: IMEMO RAN: 186–203. (In Russ.)
- Zamyatina N.Yu. (2011) Territorial Identity: Types of Formation and Images of Territory. In: *Identity as a Subject of Political Analysis*. Proceedings of the All-Russian Scientific-theoretical Conference (MEMO RAN, 21–22 October 2010). Moscow: IMEMO RAN: 203–212. (In Russ.)

Received: 05.07.18. Accepted: 26.09.18.